

«НИКТО МНЕ НЕ ЗАПРЕТИТ И НИЧЕГО НЕ СДЕЛАЕТ»: ДОСУГ КАК ПРОСТРАНСТВО СВОБОДЫ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 1920-х гг.¹

И.В. Сидорчук

Аннотация. При всем множестве современных интерпретаций и подходов к изучению досуга в рамках *leisure studies*, его изменений в контексте таких актуальных процессов как цифровизация, роботизация, Четвертая промышленная революция, практики *bleisure*, прекариатизация и т.п., он все еще определяется как «свобода быть». Это позволяет понимать его историю, в том числе, и как историю свободы. В статье предпринята попытка рассмотрения истории досуговых практик советского населения в 1920-е гг. с точки зрения их соответствия подобному классическому пониманию досуга – как проявления акта доброй воли, неподвластного регулированию и управлению. Исследование написано на основе архивных материалов, посвященных агитационно-пропагандистской, воспитательной и культурно-массовой работе комсомольских и партийных организаций, а также материалов заводских многотиражных газет, публицистики и художественной литературы. В методологическом плане при анализе досуга как культурного феномена целесообразным стало обращение к новой культурной истории, положениям и методам исторической антропологии. В результате был сделан вывод о том, что свободное время в условиях стремления власти к его моделированию и регулированию лишалось права называться временем свободы, то есть досугом в его понимании как возможности распоряжаться временем по своему усмотрению. Частым следствием этого был уход в поисках желанного, а не навязываемого досуга, в область практик, провозглашаемых новой властью девиантными, идеологически чуждыми и неприемлемыми.

Ключевые слова: история досуга, история повседневности, девиантный досуг, советское общество, социальный контроль, культурно-массовая работа, комсомол, новая экономическая политика.

Сидорчук Илья Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, sidorchuk_iv@spbstu.ru; доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, i.sidorchuk@spbu.ru.

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук, проект МК-1636.2020.6.

“NO ONE WILL FORBID ME AND NOBODY WILL DO ANYTHING”: LEISURE AS A SPACE OF FREEDOM IN THE ERA OF SOCIAL TRANSFORMATIONS OF THE 1920s¹

I.V. Sidorchuk

Abstract. With all the many modern interpretations and approaches to the study of leisure in the framework of leisure studies, leisure practices change in the context of such current processes as digitalization, robotization, the Fourth Industrial Revolution, leisure practices, precarization, etc., and is still defined as “freedom to be”. This allows interpreting its history as the history of freedom. The article attempts to consider the history of leisure practices of the Soviet people in the 1920s from the point of view of their compliance with a classical understanding of leisure – as a manifestation of an act of good will, not subject to regulation. The study is written on the basis of archival materials devoted to the agitation and propaganda, educational and cultural work of the Komsomol and party organizations, as well as materials of factory newspapers, journals and fiction. In methodological terms, it became expedient to turn to a new cultural history, which allowed expanding the field of research. The provisions and methods of historical anthropology were also used. As a result, it was concluded that free time in the conditions of the government’s desire to model and regulate was deprived of the right to be called the time of freedom, that is, leisure in its understanding as an opportunity to dispose of time at its own discretion. The consequence of this was a move away in search of the desired, and not imposed leisure, in the field of practices proclaimed by the new government deviant, ideologically alien and unacceptable.

Keywords: history of leisure, history of everyday life, deviant leisure, Soviet society, social control, cultural and mass work, Komsomol, new economic policy.

Sidorchuk Ilya V., Candidate of Science (History), Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29, Polytechnicheskaya St., St.-Petersburg, 195251, Russia, sidorchuk_iv@spbstu.ru; Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia, i.sidorchuk@spbu.ru.

¹ This article was prepared with the support of the grant of the President of the Russian Federation for young scientists-candidates of sciences, project MK-1636.2020.6.

Колыбелью досуговой культуры современного западного мира считается античность. Для Аристотеля досуг («схоле» (σχολή)) был временем, свободным от каких-либо материально-необходимых занятий и являлся неотъемлемым свойством гражданского состояния, определяющим началом для всей человеческой деятельности, доступным свободному человеку, но не рабу [Фролов, 2004, с. 292]. Средневековье, с его идеализацией физического труда, аскетизмом, противопоставлением духовного телесному, критикой удовольствий и табуированием развлечений, радующих человеческие чувства, сводило досуг к греховной и порочной праздности [Woody, 1957, p. 5–6]. При этом было бы неверно представлять средневековое общество как лишенное возможностей для творческого времяпрепровождения: запреты далеко не всегда соблюдались, а городской воздух не только делал свободным, но и давал возможности для досуга. Это, в частности, отмечал Йозеф Пипер, считавший способность к нему одной из основных сил человеческой души, а сам досуг — основой современной ему культуры XX в., корни которой стоит искать не только в греческих философских школах, но и средневековых монастырях и университетах [Pieper, 1998, p. 54]. По замечанию Питера Бёрка, целый комплекс изменений в том, что можно описать, ретроспективно, как европейская «система досуга», был виден задолго до 1800 г. [Burke, 1995, p. 149]. Тем не менее принципиальное значение для развития досуга имела Великая промышленная революция, распутавшая существовавший до этого его интегрированный характер с работой [Plumb, 1973]. Общество стало более дисциплинированным, в конце XVIII–начале XIX в. произошло изменение представления о времени [Cunningham, 2014, p. 7–30], работа и отдых стали четко разграничиваться, а, следовательно, свободное время начало больше цениться, превратив досуг в одну из главных ценностей человечества [Rojek, 1995, p. 39]. Фабрика конца XVIII в., равно как и конвейер Генри Форда, формировали образ досуга как вознаграждения за труд, в котором желанным идеалом считалась формула «eight hours for what we will», где справедливой премией за 8-ми часовой рабочий день являлись восемь часов на досуг.

Последний этап в переосмыслении значения досуга связан с переходом от индустриального общества к постиндустриальному, где его восприятие, при всех новациях, все же унаследовало от предшествующих эпох главное — понимание как проявление свободы от обязательств, акта доброй воли. Зачастую оно является основой концепций досуга на этом новом витке развития цивилизации, что приближает его к аристотелевскому понятию досуга как идеального состояния свободы или к идее Б. Рассела из эссе «Похвала праздности»: «Мораль работы — это мораль рабов, а современный мир не нуждается в рабстве» [Рассел, 2004].

Определение досуга традиционно включает в себя его понимание как возможности для осуществления и проявления воли [Kaplan, 1975]. Он относительно свободен от ограничений работы, семейных или общественных ролей. Чрезмерное многообразие подходов и интерпретаций породили идею о наступившем «конце досуга». К. Рожек полагает, что досуг мутирует во что-то другое, и оправдывать традицию его ассоциации со свободой, выбором, самоопределением и бегством стало

труднее [Rojes, 1997, p. 392]. При этом он признает верность утверждения Дж. Келли о том, что досуг, в конце концов, определяется как «свобода быть» («freedom to be») [Kelly, 1987].

В русский язык слово «досуг» вошло в употребление в XV в. и происходило от глагола «досыгать» или «досыгнуть», то есть означало возможность что-то сделать, или удобный случай. Аналогичное значение имели «leisure» в английском и «loisir» во французском [Burke, 1995, p. 139]. Со временем оно трансформировалось, приобретая темпоральное значение и становясь синонимом свободного времени – времени, свободного от труда. К моменту создания толкового словаря под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940 гг.) данное значение осталось единственным, исключив и такое частное понимание его производного, как «досужество» или «досужий», подразумевавшее способность к мастерству, умение [Малышева, 2019, с. 153].

Как и в западных странах, ключевую роль в развитии досуга в России сыграла промышленная революция, сопровождавшаяся урбанизацией, массовым притоком сельского населения, разграничением трудового и вне рабочего времени, появлением индустрии развлечений. Начиная со второй половины XIX в. сфера досуга стала приобретать «черты пространства индивидуальной свободы» [Малышева, 2019, с. 149], на которое не должны покушаться ни община, ни работодатель, ни государство. Массовость досуга находилась в прямой зависимости от лишь усиливавшейся со временем доступности достижений научно-технической революции [Woody, 1957, p. 8]. Одновременно, по замечанию В. Б. Аксенова, городская среда предусматривала больший контроль за проявлением эмоций, чем сельская: запрет на пение песен и другой шум, необходимость вежливого общения (при его отсутствии по отношению к самим новым горожанам), ежедневный контроль, а зачастую и грубость со стороны дворников, полицейских, заводского начальства [Аксенов, 2020, с. 42]. Таким образом, город давал массу новых досуговых возможностей, параллельно жестко ограничивая ряд привычных для деревенской повседневности.

Приход большевиков к власти в 1917 г. означал не только смену политического и экономического курса развития России, но и кардинальные преобразования социальной жизни. Был существенно скорректирован и вектор развития повседневной культуры: государство стало активно бороться со многими «пережитками прошлого» и начало активно вмешиваться в процесс складывания трудовых и досуговых практик, став основным инициатором их трансформации. Приемлемым досугом провозглашался лишь культурный, целью которого было всестороннее развитие социалистической личности, а рациональное использование свободного времени становилось нравственным требованием, предъявляемым обществом к каждому своему члену. Это ставит вопрос о том, насколько уместно интерпретировать навязываемые властью вне рабочие активности как досуг, необходимым признаком которого является отсутствие принуждения.

Советская политика в области досуга всегда связывалась с агитационно-пропагандистской работой. Например, от физкультурников требовалось участие в

политических кампаниях, а от студентов или служащих – в общественной деятельности. Спектр навязываемых властью досуговых практик был достаточно широк. В рамках идейно-воспитательной работы устраивались революционные праздники, организовывались культпоходы в театры, кино и музеи, конкурсы самодеятельности «с привлечением своих затейников», цеховые и заводские вечера «за чашкой чая», беседы на актуальные политические темы, «проработки» произведений советских писателей, активно практиковались «вылазки» на природу и на экскурсии, действовали марксистские кружки самообразования, политшколы [ЦГАИПД СПб, ф. 598К, оп. 1–2, д. 4147, л. 1–2; ЦГАИПД СПб, ф. 601К, оп. 1, д. 326, л. 35–35об., 53; ГАНИПО, ф. 1, оп. 4, д. 27, л. 120]. В рамках борьбы за техническую грамотность активно поощрялось изобретательство. При этом свобода технологического творчества настойчиво направлялась в нужное русло – на создание наиболее необходимых для разных отраслей промышленности изобретений, актуальных для решения задач индустриализации [Сидорчук, 2020, с. 75]. Главными центрами культурного досуга должны были стать клубы, которые выполняли образовательную, развлекательную и коммуникативную функции [Hatch, 1994, p. 103]. На смену популярным «народным гуляниям», связывавшимся с пьянством, развратом и буржуазной праздностью, должны были прийти парки культуры и отдыха, начавшие активно строиться с начала 1930-х гг., взяв в качестве образца Парк Горького в Москве. Общественное пространство отныне определялось через дисциплину и самоконтроль, место исключительно культурного досуга, дарящего здоровье и просвещение [Shaw, 2011, p. 327–328]. Труд и досуг должны были образовывать некое единство, ведь и время работы, и время отдыха призвано способствовать всестороннему развитию личности и диктуемым сверху поведенческим нормам. Показательны слова секретаря Комитета ВЛКСМ ленинградской фабрики «Пролетарская Победа» № 1 о задачах работы: «Каждую свободную минуту комсомольца и молодого рабочего использовать так, чтобы она дала ему максимум отдыха и вместе с тем зарядку для дальнейшей работы, сознательного отношения к труду и политическую закалку» [ЦГАИПД СПб, ф. 598К, оп. 1–2, д. 4147, л. 10–10об.]. Таким образом, после работы никто не должен был быть предоставлен самому себе, а максимальное вовлечение в организованный досуг являлось одной из важнейших составляющих успешной работы ответственных организаций.

Сопrotивление подобным инициативам логично приводило к не принимаемым и осуждаемым новой революционной моралью практикам. Многие из них были унаследованы от прошлой эпохи. В первую очередь речь идет о пьянстве и непосредственно связанном с ним хулиганстве. Чрезмерное употребление алкоголя являлось уже привычной бедой, выступая, по замечанию С.Ю. Малышевой, «своеобразным симулякром “хорошей жизни”, вольницы, того хорошего и приятного досуга, ради обретения чего, собственно, и трудился рабочий» [Малышева, 2011, с. 17]. Проблема же хулиганства остро встала перед городами Российской империи с началом массового притока крестьян из деревни и активной урбанизации в конце XIX в. Оно было следствием как сохранения традиционных сельских досуговых

практик, неприемлемых в городе, так и ответной реакцией на агрессивную среду, регламентирующую жизнь и отводившую рабочим роль социальных низов.

Советские партийные лидеры и официальная пропаганда при анализе причин этих социальных недугов чаще ограничивались отсылкой к пережиткам буржуазного прошлого и заявлениями о необходимости непримиримой борьбы [Копеспу, 1996, р. 105–107; Smith, 1998, р. 187, 191–197]. Более взвешенной была позиция представителей ученого сообщества. Так, заведующий кафедрой судебной психиатрии Московского университета Е.К. Краснушкин видел причину обращения к хулиганству в потребности взрослого человека в игре, которая «ограничивается рамками дозволенного обществом», к «беззаботному вольному препровождению времени». Вслед за немецким психологом Карлом Гроосом, он полагал, что игра, благодаря указанному чувству свободы, «компенсирует это ощущение стеснения индивидуальных желаний и стремлений, но только частично, ибо она все-таки ограничивается общественными нормами». Пьянство и хулиганство создают эту столь желанную иллюзию полной, ничем не ограниченной свободы и ничего не ограниченного веселья [Краснушкин, 1927, с. 151–152]. Показательно, что от поиска упрощенных путей решения проблемы был далек и нарком здравоохранения Н.А. Семашко, полагавший, что хулиганство является «оборотной стороной рабства», проявлением «элементарных инстинктов», которые до этого сдерживал царизм [Семашко, 1926, с. 117].

Заявления новой власти о том, что рабочий скинул цепи рабства и стал полноправным хозяином заводов и фабрик, сильно контрастировали с реальным положением дел, когда уровень его доходов и качество жизни не повысились, а грубость советских хозяйственников напоминала дореволюционный произвол мастеров и унижения со стороны заводской администрации. Пьяные дебоши, битье окон, ругань в адрес начальства, неприличные надписи в туалетах и рукоприкладство являлись, в том числе, и ответом на подобную неудовлетворенность жизнью. Для рабочих было характерно хулиганство на работе, что применительно к ситуации в Германии начала XX в. А. Людтке назвал проявлением «своеволия» («своенравия»). Агрессия часто направлялась именно на представителей начальства, партийных активистов и тех, кто отвечал за порядок. Подобные эксцессы происходили регулярно. Пьяный рабочий Ленинградского паровозо-вагоно-ремонтного завода Трупин в ответ на предложение пойти домой «изляял... пом[ощника] мастера Миняева, оскорбил представителя охр[аны] труда Панова, предложившего ему уйти по-хорошему и не отрывать администрацию от дела, словами: “А что вы понимаете – как свинья в апельсинах”» [Язва, 1928, с. 3]. Партиец Фролов, трубопроводчик одного из ленинградских заводов, на замечания ответственного секретаря цеховой ячейки отвечал матерщиной и «угрожал побить морду» [Не пьяница, 1928, с. 2]. Рабочий Плеванюк в ответ на предложение мастера уйти с работы, потому что был пьян, замахнулся на него бутылкой, и только подоспевшие рабочие не допустили кровопролития [Комсомолец, 1928, с. 5]. Аналогичные случаи являлись регулярными в заводской повседневности 1920-х гг.

Схожее поведение могло быть характерным и для женщин, которые, несмотря на реальные попытки власти бороться за гендерное равенство, все еще продолжали подвергаться дискриминации, домогательствам на работе и насилию со стороны мужей дома. В Центральном промышленном районе в 1920-х гг. сохранялся дореволюционный обычай «пропивания помоев», когда женщины-работницы устраивали пьянки и пляски с шествием по улицам в честь получения от коровниц денег за кухонные помои. Праздник устраивался дважды в год, осенью и весной, и был приурочен к таким традиционным крестьянским женским праздникам, как Покров и день жен-мироносиц [Ульянова, 2015, с. 76–77]. Прекрасным новым поводом заявить о своем праве на свободу, который подарила советская власть, был Международный женский день. Некоторые пренебрегали организованными вечерами в цехах и клубах, предпочитая алкоголь, пляску и дебош. На предложение соседа одной такой буйной работнице ленинградского «Красного треугольника» вести себя тише она ответила: «Это не твое дело и убирайся вон. Сегодня праздник женщины, и я буду пить вино, безобразничать и никто мне не запретит и ничего не сделает» [Н.Ф., 1929, с. 4].

Обязательного освещения на собраниях и в прессе удостоивались случаи, когда дебоши сопровождалась выпадами против власти. Например, случай с оправданием М.Н. Афанасьевым, которому не понравилось пение комсомольских песен пионерками, проживавшими в доме. Будучи нетрезвым, он сначала потребовал прекратить пение, а получив отказ, начал избивать отца девочек [Хулиганство оправдано, 1925, с. 3].

К проявлению враждебного отношения к советской власти относили и случаи антисемитизма. Евреи часто воспринимались как привилегированная часть раннесоветского общества, что было следствием их высокого числа на руководящих и партийных должностях. Таким образом, протест против действий власти, неустроенности жизни и агрессивных попыток навязывания новых ценностей и правил нередко принимал антисемитские формы. Фразы «всех жмут, кроме евреев» и «бей жидов спасай Россию» «украшали» заводские туалеты [Самокритик, 1928, с. 3; Некультурность или хулиганство?... 1929, с. 4]. Нередки были открытые выпады. Звеновой организатор технической кладовой завода «Красный треугольник» Блашков заявил товарищу по работе, что «жид и жидом пахнет», что было подхвачено остальными дружным смехом [Пестанов, 1929, с. 4]. Комсомолец, работник Балтийского судостроительного и механического завода Шишмарев, на заседании бюро цехячейки ВЛКСМ, где разбирался вопрос об антисемитизме, высказался следующим образом: «Я ненавижу еврейскую нацию; почему нет почти ни одного жида на тяжелой работе; только одни наши русские дураки; мой брат из-за своей жены, жидовки, не пригласил меня в пасху в гости» [Винокуров, 1929, с. 3]. В данном случае речь также шла о стремлении отмечать церковные праздники, чему новая власть активно препятствовала. В глазах руководства это существенно отягчало проступок молодого рабочего.

Местом, в наибольшей степени способным обеспечить иллюзию свободы в условиях нэповской России, мог являться игорный дом – прибежище растратчиков казенных денег, совбуров, дорогих и не очень женщин, а также всех тех, кто захотел погулять на широкую ногу. Бухгалтер Сестрорецкого горисполкома, растративший 3 000 руб., был одним из таких: «Вино, женщины, официанты, ожидающие “на чай”, цыгане, лихачи веселенькие, застольные анекдоты и собутыльники, любящие выпить за “чужой счет” – вот обстановка, в которой живет бухгалтер» [Гард, 1927а, с. 3]. Современники отмечали, что типичным растратчиком был «маленький человек» – кассиры, управдомы и другие совслужащие, иногда партийные, имевшие дело с большими суммами денег, но получавшие скромное жалование. Ими двигало стремление освободиться от череды унылых безрадостных будней: «Чужие, доверенные им суммы, для них отнюдь не цель, а только средство, только орудие, с которым они пробуют поймать свое счастье» [Селиванов, 1925, с. 2]. Таков и отец «забудыга» из рассказа Д. Хармса «Вещь», который всю ночь пил и орал, а утром «взял папку с делами, одел белую фуражку и скромно пошел на службу» [Хармс, 2000].

Особенно власть настораживало, что о подобной жизни мечтали не только люди прошлого, «обывателиус вульгарис» из «Клопа» В. Маяковского, скучающие по соблазнам дореволюционного города, но и представители молодежи – будущего страны. Так, молодой рабочий Ефимов признавался: «Мое желание, единственное желание в мире, это получать 200 рублей в месяц. Почему такое желание? – Знаешь, жизнь наша серенькая. Развлечения не видно, поэтому есть желание чего-то нового, особенного. Именно, есть желание поехать в “Бар”, который один может дать развлечение и избавить от той тоски, которая гнетет всю неделю» [Рафаил, 1928, с. 56]. В подобных местах жертвами дебошей обычно становились символизировавшие власть швейцары, требовавшие от разгоряченных посетителей соблюдать нормы приличия. Так, швейцар ленинградского клуба «Торговый» признавался: «Я швейцаром здесь 1 1/2 года, мне всего 42 года, но я чувствую себя инвалидом... Уходя из дому я каждый раз прощаюсь с семьей так, точно иду на казнь». К постоянным побоям он относился достаточно философски: «Мне дают по морде, и я в ответ даю по морде. <...> А что же делать? Если на каждого, кто меня ударил, я подал бы в суд, все суды были бы завалены жалобами...» [Гард, 1927b, с. 3].

Одна из самых массовых и активно поддерживавшихся властью форм досуга, кино, также становилось важным инструментом продвижения новой идеологии, начиная от строительства быта или развенчания гендерных стереотипов и заканчивая конструированием образа «темного прошлого» и пропагандой физкультуры и спорта. Подобный подход делал его менее привлекательным в глазах массового зрителя, предпочитавшего западные картины о приключениях и красивой буржуазной жизни, и видевшего кинотеатр местом культурного отдыха, должным быть свободным от социальных и политических маркеров [Жданкова, 2013, с. 140]. Кино демонстрировало совершенно иные,

недоступные рядовому советскому человеку стандарты потребления, что также связывалось с утратой свободы — свободы выбирать и приобретать. В рассказе А.Н. Толстого «Случай на Бассейной улице» именно это желание, ставшее главным после просмотра фильма «Великосветские бандиты», превратило девушку Марию в Мэри. К ужасу своего молодого человека она стала продавать себя за дорогие вещи, «обрезала юбку на полтора вершка выше колен, завела шляпку кирпичного цвета, шелковые чулки». Любовь к красивой дорогой одежде рассматривалась в одном ряду с аморальным и безнравственным поведением. В проекте наказа по секции «Семья, половой вопрос и воспитание смены» на 1-й культурно-бытовой конференции ВЛКСМ Центрального района Ленинграда объявлялось: «Половая неграмотность, погоня за грубым удовлетворением половых потребностей, увлечение внешностью и костюмом, подбор индивидуальностей на основе экономики, ревность, гусарские ухаживания, все это приводит к половой распущенности, к большому количеству случайных половых связей, к цене внешности, увлечению косметикой, щегольству, трате своего бюджета на костюм в ущерб жилищу, гигиене и питанию, к погоне за улучшением экономики, к неудовлетворенности в жизни, к упадочничеству, к абортам и проституции и даже к самоубийствам» [ЦГАИПД СПб, ф. 7, оп. 1, д. 6388, л. 50].

Внешние проявления буржуазности, попытки молодежи выходить за рамки предлагаемой властью нормы, клеймились декадентством и есенинщиной. К ним относили и популярные у молодежи танцы, вызывавшие гнев у советских пуристов. На место американскому фокстроту и все еще распространенной в деревне русской пляске, должны были прийти «танец-коллективка», «физкультуранец», «колонный танец», «фигурный марш», «массовые игры под музыку». Из символа искренности и стихийности танец становился предметом государственного контроля и, по замечанию И.Е. Сироткиной, уподоблялся дрессировке [Сироткина, 2019]. С.В. Яров представлял клубы, где развернулась борьба с танцами, своеобразной лабораторией, «где уточнялись дозы развлечений и вырабатывались приемлемые нормы поведения <...> в соответствии с тогдашними нравами, элементами аскезы» [Яров, 2006, с. 282]. Все сферы повседневного поведения молодежи — манеры, язык, одежда, сексуальные отношения — изымались из сферы частной жизни и становились частью публичного политического обсуждения. В таких условиях любовь к развлечениям, красной помаде или модным ботинкам «джимми» можно понимать, в том числе, и как выражение молодыми людьми желания простой и беззаботной жизни, в которой ей отказывали большевистские моралисты [Gorsuch, 1994, p. 17].

При этом необходимо заметить, что эпоха нэпа была временем относительной политической и социальной свободы, что позволяло находить досуг как вне официального советского формата, так и девиаций (хотя аполитичность также могла клеймиться отклонением и пережитком). Например, через сохранение традиционной праздничной культуры. Многие с симпатией принимали как старые, так и новые праздничные традиции. Юная Ольга Берггольц была в

восторге от революционных демонстраций с гигантскими игрушками, маршами и представлениями, но, отдаляясь от религии, все же с нетерпением ждала пасху, чтобы воспользоваться традицией христосования и поцеловать любимого юношу [Берггольц, 2016, с. 86–291]. В отрыве от политики обычно проходили семейные праздники (именины, дни рождения). Вплоть до конца 1920-х гг. революционные праздники соседствовали в календаре с церковными – местные дни отдыха могли устанавливаться с согласия Наркомата труда, и обычно эта возможность использовалась для религиозных праздников. Где-то к ним относили местные революционные события (дни рабочих восстаний и демонстраций, дни освобождения от белогвардейцев и т.п.), но на тот момент ВЦСПС и НКТ труда такие попытки полагали неудачными.

Чрезмерная политизация предлагаемого властью досуга делала его менее интересным, о чем постоянно говорилось при анализе клубной работы. Поэтому многие виды досуговой активности – игры, лекции, театральные представления, танцы и пр. первоочередной задачей имели вызов живой, искренней симпатии и активности, через которые впоследствии уже могло начаться перевоспитание. Прекрасный пример – фильм «Дом на Трубной», в котором несознательная деревенская девушка Параня, работавшая прислугой, обрела чувство классовой сознательности после посещения клубного спектакля «Взятие Бастилии». При всем стремлении к политизации досуга и его регулированию, нельзя не отметить колоссальную работу, направленную на аккультурацию населения. В частности, это видно по размыванию классовых границ в досуге: театр, музеи, спорт из вида отдыха интеллигенции и высшего класса становились доступными для рабочих, ведь «окончательную победу на культурном фронте» удастся одержать только тогда, когда рабочий класс «окажется на более высоком уровне культуры, чем все остальные классы, т.е. тогда, когда пролетариат станет и “культурным гегемоном” в Советском Союзе» [Октябревек, 1924, с. 10–11]. Применительно же к самим «бывшим» может быть уместным говорить об отведении им роли неких культуртрегеров: находясь под внимательным идеологическим руководством, они должны были знакомить с наукой и высоким искусством слои населения, лишённые этой возможности в прошлом.

Таким образом, провозглашенная советской властью важность формирования досуговой культуры и декларирование предоставления гарантий отдыха каждому добросовестному труженику подразумевали как рост доступного спектра досуговых практик, так и максимально возможный контроль. При этом свободное время в этих условиях стремления власти к его моделированию и регулированию лишалось права называться временем свободы, то есть досугом в его понимании как возможности распоряжаться временем по своему усмотрению. Логичным следствием этого был запрос на внеполитические формы досуга, что осуждалось как несознательное поведение, но все же допускалось, и находило выражение, например, в традиционных праздниках, кино, танцах. Однако массовым был и уход в поисках желанного, а не навязываемого досуга, в область практик,

провозглашаемых новой властью девиантными, идеологически чуждыми и неприемлемыми. Категоричные требования партийных активистов, необходимость трудиться и жить в таких же условиях, как и до революции, были гарантией сохранения традиционного поиска отдушины и обретения иллюзии вольности через алкоголь и хулиганство. Желание свободы потребления, невозможной в условиях бедности, ограниченности доступа к западной культуре и младобольшевистского ханжества рождало тягу к буржуазным танцам, косметике и модной одежде. «Маленький человек», окруженный соблазнами нэпа, погрязал в растратах и предавался разгулам, пытаясь вырваться на волю от жалкости своего существования. Подобное поведение было свойственно далеко не только «классово чуждым элементам», перевоспитание которых и не входило в планы власти, но и ее предполагаемым главным выгодоприобретателям и поборникам – рабочим и молодежи, в том числе комсомольцам и партийцам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 871 с.

Берггольц О.Ф. Мой дневник. Т. 1: 1923–1929. М.: Кучково поле, 2016. 768 с.

Винокуров А. Четыре года скрывался под маской общественника // *Балтиец*. 1929. № 19(129). 31 мая. С. 3.

Гард Э. «Человек из ресторана» // *Красная газета. Вечерний выпуск*. 1927а. № 295. 31 октября. С. 3.

Гард Э. Традиции клуба «Торговый» // *Красная газета. Вечерний выпуск*. 1927б. № 297. 2 ноября. С. 3.

Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 1. Оп. 4. Д. 27.

Жданкова Е.А. Кинотеатры в СССР глазами зрителей: ожидания и повседневность в период нэпа (на материале анкетирования и социологических опросов, проведенных в кинотеатрах) // *Вестник Пермского университета. История*. 2013. Вып. 3(23). С. 136–143.

Комсомолец. Дать по рукам // *Красновыборжец*. 1928. № 22–23. 19 декабря. С. 5.

Краснушкин Е.К. К психологии хулиганства // *Хулиганство и поножовщина*. М.: Мосздравотдел, 1927. С. 150–157.

Малышева С. «Реабилитация праздности»: производство новых значений и смыслов досуга во второй половине XIX–начале XX века // *Логос*. 2019. Т. 29. № 1. С. 147–156.

Малышева С. Праздный день, досужий вечер. Культура досуга российского провинциального города второй половины XIX–начала XX века. М.: Academia, 2011. 192 с.

- Н.Ф. «Сегодня я праздничная» // *Красный треугольник*. 1929. № 19(58). 8 апреля. С. 4.
- Не пьяница. «Конкурс пьяниц» // *Стапель*. 1928. № 2. Июнь. С. 2.
- Некультурность или хулиганство?.. // *Радиостроитель*. 1929. № 5(17). 8 марта. С. 4.
- Октябровец. Рабочие и культурный фронт // *Октябрь мысли*. 1924. № 2. С. 10–11.
- Пестанов. «Мелочи», бьющие по культурной революции // *Красный треугольник*. 1929. № 14(53). 21 марта. С. 4.
- Рассел Б. Похвала праздности и другие сочинения. Лондон, Нью-Йорк: Рутледж, 2004. 163 с.
- Рафаил М. За нового человека. Л.: Прибой, 1928. 113 с.
- Самокритик. Об уборной, культуре и вообще // *Голос Казницких*. 1928. № 8. С. 3.
- Селиванов Арк. Борьба с растратами // *Красная газета. Вечерний выпуск*. 1925. № 40. 17 февраля. С. 2.
- Семашко Н.А. Хулиганство – остатки «старого быта» // *Хулиганство и преступление*. Сб. ст. Л.; М.: Рабочий суд, 1926. С. 117–119.
- Сидорчук И.В. История общества «Техника–массам» в контексте популяризации техники в СССР на рубеже 1920-х–1930-х гг. // *Общество: философия, история, культура*. 2020. № 5. С. 72–77.
- Сироткина И.Е. Пляска по инструкции: создание «советского массового танца» в 1920-е годы // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2019. Вып. 1(44). С. 153–164.
- Ульянова С.Б. Религиозные праздники в советском городе в 1920-е гг. // *Роль Русской Православной Церкви в становлении и развитии российской государственности: матер. Всерос. научно–практ. конф.* Ярославль: ЯрГУ, 2015. С. 74–82.
- Фролов Э.Д. Феномен досуга в античном мире // *Парадоксы истории – парадоксы античности*. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2004. С. 292–297.
- Хармс Д. Вещь. М.: Амфора, 2000. 348 с.
- Хулиганство управдома // *Красная газета. Вечерний выпуск*. 1925. № 5. 6 января. С. 3.
- Центральный государственный архив историко–политических документов Санкт–Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 7. Оп. 1. Д. 6388.
- ЦГАИПД СПб. Ф. 598К. Оп. 1–2. Д. 4147.
- ЦГАИПД СПб. Ф. 601К. Оп. 1. Д. 326.
- Язва. О пьянке // *Красный железнодорожник*. 1928. № 11. 16 сентября. С. 3.
- Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб.: Европейский Дом, 2006. 570 с.
- Burke P. The Invention of Leisure in Early Modern Europe // *Past & Present*. 1995. No. 146. Pp. 136–150.

- Cunningham H. *Time, work and leisure: Life changes in England since 1700*. Manchester: Manchester University press, 2014. 240 p.
- Gorsuch A.E. Flappers and foxtrotters. Soviet youth in the Roaring Twenties // *Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. 1994. No. 1102. Pp. 1–33.
- Hatch J. Hangouts and Hangovers: State, Class and Culture in Moscow's Workers' Club Movement, 1925–1928 // *The Russian Review*. 1994. Vol. 53. No. 1. Pp. 97–117.
- Kaplan M. *Leisure: Theory and Policy*. New York: Wiley, 1975. 444 p.
- Kelly J. *Freedom To Be: A New Sociology of Leisure*. New York: Macmillan, 1987. 248 p.
- Konecny P. Library Hooligans and Others: Law, Order, and Student Culture in Leningrad, 1924–38 // *Journal of Social History*. 1996. Vol. 30. No. 1. Pp. 97–128.
- Pieper J. *Leisure. The Basis of Culture*. St. Augustine's Press. South Bend, Indiana. 1998. 183 p.
- Plumb J.H. *The commercialisation of leisure in Eighteen-century England*. Reading: University of Reading, 1973. 20 p.
- Rojek C. Decentring leisure. Rethinking leisure theory. London: SAGE Publication, 1995. 224 p.
- Rojek C. Leisure Theory: Retrospect and Prospect // *Loisir et Société / Society and Leisure*. 1997. Vol. 20. No. 2. Pp. 383–400.
- Shaw C. "A fairground for 'building the new man'": Gorky Park as a site of Soviet acculturation // *Urban History*. 2011. Vol. 38. No. 2. Pp. 324–344.
- Smith S.A. The Social Meanings of Swearing: Workers and Bad Language in Late Imperial and Early Soviet Russia // *Past & Present*. 1998. No. 160. Pp. 167–202.
- Woody Th. Leisure in the light of history // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1957. Vol. 313. Pp. 4–10.

REFERENCES

- Aksenov V.B. *Sluhi, obrazy, jemocii. Massovyje nastroenija rossijan v gody vojny i revoljucii (1914–1918)* [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians in the years of war and Revolution (1914–1918)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 871 p. (in Russian).
- Bergholz O.F. *Moj dnevnik* [My diary]. Vol. 1: 1923–1929. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 768 p. (in Russian).
- Vinokurov A. Chetyre goda skryvalsja pod maskoj obshhestvennika [Four years hiding under the mask of a public man], in *Baltic*. 1929. No. 19(129). May 31. P. 3 (in Russian).
- Gard E. "Chelovek iz restorana" [The man from the restaurant], in *Krasnaja gazeta. Vechernij vypusk*. 1927a. No. 295. October 31. P. 3 (in Russian).
- Gard E. Tradicii kluba "Torgovyj" [Traditions of the club "Trade"], in *Krasnaja gazeta. Vechernij vypusk*. 1927b. No. 297. November 2. P. 3 (in Russian).

State Archive of Modern History of the Pskov region (GANIPO). F. 1. Inv. 4. D. 27.

Kharms D. *Veshch'* [Thing]. M.: Amfora, 2000. 348 p. (in Russian).

Zhdankova E.A. Kinoteatry v SSSR glazami zritelej: ozhidaniya i povsednevnost' v period njepa (na materiale anketirovaniya i sociologicheskikh oprosov, provedennyh v kinoteatrah) [Movie theatres in the USSR through the viewers' eyes: expectations and everyday life during the NEP (on the questionnaires and sociological survey conducted in cinemas)], in *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*. 2013. No. 3(23). Pp. 136–143 (in Russian).

Komsomolec. Dat' po rukam [Slap on hands], in *Krasnovyborzhec*. 1928. No. 22–23. December 19. P. 5 (in Russian).

Krasnushkin E.K. K psilogii huliganstva [To the psychology of hooliganism], in *Huliganstvo i ponozhovshhina* [Hooliganism and stabbing]. Moscow: Moszdravotdel, 1927. Pp. 150–157 (in Russian).

Malysheva S. "Reabilitacija prazdnosti": proizvodstvo novyh znachenij i smyslov dosuga vo vtoroj polovine XIX–nachale XX veka ["Rehabilitation of idleness": production of new meanings and meanings of leisure in the second half of the 19th–early 20th century], in *Logos*. 2019. Vol. 29. No. 1. Pp. 147–156 (in Russian).

Malysheva S. *Prazdnyj den', dosuzhij vecher. Kul'tura dosuga rossijskogo provincial'nogo goroda vtoroj poloviny XIX–nachala XX veka* [Idle day, leisure evening. Culture of leisure of the Russian provincial city of the second half of the 19–early 20 century]. Moscow: Academia publ., 2011. 192 p. (in Russian).

N.F. "Segodnja ja prazdnichnaja" ["Today I am festive"], in *Krasnyj treugol'nik*. 1929. No. 19(58). April 8. P. 4 (in Russian).

Ne p'janica. "Konkurs p'janic" ["Competition of drunkards"], in *Stapel'*. 1928. No. 2. P. 2 (in Russian).

Nekul'turnost' ili huliganstvo?.. [Lack of culture or hooliganism?..], in *Radiostroitel'*. 1929. No. 5(17). March 8. P. 4 (in Russian).

Oktjabrevce. Rabochie i kul'turnyj front [Workers and the Cultural Front], in *Oktjabr' mysli*. 1924. No. 2. Pp. 10–11 (in Russian).

Pestanov. "Melochi", b'jushhie po kul'turnoj revoljucii ["Little things", beating cultural revolution], in *Krasnyj treugol'nik*. 1929. No. 14(53). March 21. P. 4 (in Russian).

Rafail M. *Za novogo cheloveka* [For the new man]. Leningrad: Priboj publ., 1928. 113 p. (in Russian).

Rassel B. *Pokhvala prazdnosti i drugie sochineniya* [In Praise of Idleness]. London, N'york: Rutledzh, 2004. 163 p. (in Russian).

Samokritik. Ob ubornoj, kul'ture i voobshhe [About the toilet, culture and in general], in *Golos Kazickih*. 1928. No. 8. P. 3 (in Russian).

Selivanov Ark. Bor'ba s rastratami [Fight against embezzlement], in *Krasnaja gazeta. Vechernij vypusk*. 1925. No. 40. February 17. P. 2 (in Russian).

- Semashko N.A. Huliganstvo – ostatki “starogo byta” [Hooliganism—the remnants of “old life”], in *Huliganstvo i prestuplenie* [Hooliganism and crime]. Leningrad; Moscow: Rabochij sud, 1926. Pp. 117–119 (in Russian).
- Sidorchuk I.V. Istorija obshhestva “Tehnika–massam” v kontekste populjarizacii tehniki v SSSR na rubezhe 1920-h–1930-h gg. [History of the society “Technique for the masses” in the context of popularization of technology in the USSR at the turn of the 1920s–1930s.], in *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura*. 2020. No. 5. Pp. 72–77 (in Russian).
- Sirotkina I.E. Pljaska po instrukcii: sozdanie “sovetskogo massovogo tanca” v 1920-e gody [Dancing under instruction: creating “Soviet mass dance” in the 1920s], in *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Istorija*. 2019. No. 1(44). Pp. 153–164 (in Russian).
- Ul'janova S.B. Religioznye prazdniki v sovetskom gorode v 1920-e gg. [Religious holidays in the Soviet city in the 1920s], in *Rol' Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v stanovlenii i razvitii rossijskoj gosudarstvennosti* [The role of the Russian Orthodox Church in the formation and development of Russian statehood]. Jaroslavl': JarGU, 2015. Pp. 74–82 (in Russian).
- Frolov E.D. Fenomen dosuga v antichnom mire [The phenomenon of leisure in the ancient world], in *Paradoksy istorii – paradoksy antichnosti* [Paradoxes of history – paradoxes of antiquity]. St. Petersburg: Izd. dom SPbGU, 2004. Pp. 292–297 (in Russian).
- Huliganstvo upravdoma [Hooliganism of the superintendent], in *Krasnaja gazeta. Vechernij vypusk*. 1925. No. 5. January 6. P. 3 (in Russian).
- Central State Archives of Historical and Political Documents of St. Petersburg (CGAIPD SPb). F. 7. Inv. 1. D. 6388.
- CGAIPD SPb. F. 598K. Inv. 1–2. D. 4147.
- CGAIPD SPb. F. 601K. Inv. 1. D. 326.
- Jazva. O p'janke [About drinking], in *Krasnyj zheleznodorozhnik*. 1928. No. 11. September 16. P. 3 (in Russian).
- Jarov S.V. *Konformizm v Sovetskoj Rossii: Petrograd 1917–1920-h godov* [Conformism in Soviet Russia: Petrograd 1917–1920s]. St. Petersburg: Evropejskij Dom publ., 2006. 570 p. (in Russian).
- Burke P. The Invention of Leisure in Early Modern Europe, in *Past & Present*. 1995. No. 146. Pp. 136–150.
- Cunningham H. *Time, work and leisure: Life changes in England since 1700*. Manchester: Manchester University press, 2014. 240 p.
- Gorsuch A.E. Flappers and foxtrotters. Soviet youth in the Roaring Twenties, in *Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. 1994. No. 1102. Pp. 1–33.
- Hatch J. Hangouts and Hangovers: State, Class and Culture in Moscow's Workers' Club Movement, 1925–1928, in *The Russian Review*. 1994. Vol. 53. No. 1. Pp. 97–117.
- Kaplan M. *Leisure: Theory and Policy*. New York: Wiley, 1975. 444 p.
- Kelly J. *Freedom To Be: A New Sociology of Leisure*. New York: Macmillan, 1987. 248 p.
- Konecny P. Library Hooligans and Others: Law, Order, and Student Culture in Leningrad, 1924–38, in *Journal of Social History*. 1996. Vol. 30. No. 1. Pp. 97–128.

Pieper J. *Leisure. The Basis of Culture*. St. Augustine's Press. South Bend, Indiana. 1998. 183 p.

Plumb J.H. *The commercialisation of leisure in Eighteen-century England*. Reading: University of Reading, 1973. 20 p.

Rojek C. *Decentring leisure. Rethinking leisure theory*. London: SAGE Publication, 1995. 224 p.

Rojek C. Leisure Theory: Retrospect and Prospect, in *Loisir et Société / Society and Leisure*. 1997. Vol. 20. No. 2. Pp. 383–400.

Shaw C. "A fairground for 'building the new man'": Gorky Park as a site of Soviet acculturation, in *Urban History*. 2011. Vol. 38. No. 2. Pp. 324–344.

Smith S.A. The Social Meanings of Swearing: Workers and Bad Language in Late Imperial and Early Soviet Russia, in *Past & Present*. 1998. No. 160. Pp. 167–202.

Woody Th. Leisure in the light of history, in *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1957. Vol. 313. Pp. 4–10.